ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию **Сергея Леонидовича Шаракова**
«Символическое миросозерцание Ф.М. Достоевского: истоки и развитие»,
представленную на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по научной специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертационное исследование С.Л. Шаракова выполнено в русле так называемой «религиозной филологии» (термин С.Г. Бочарова) и посвящено пока еще недостаточно разработанной проблеме выявления глубинных творческих принципов Ф.М. Достоевского, определяющих своеобразие его поэтики. Как и другие представители «религиозного» достоевсковедения конца XX – начала XXI в. (прежде всего В.Н. Захаров, И.А. Есаулов, Т.А. Касаткина, К.А. Степанян, О.И. Сыромятников, Е.А. Федорова-Гаричева, etc.), С.Л. Шараков апеллирует к православно-христианской основе мировидения Достоевского, на фундаменте которой выстраивается, по мнению ученого, эстетика писателя, а также во многом и его поэтика. Диссертант погружен в гущу дискуссий и о характере христианства Достоевского, и о сущности его творческого метода – то ли «мистического реализма» (Н.А. Бердяев), то ли «реалистического символизма» (Вяч.И. Иванов), то ли «духовного реализма» (А.М. Любомудров), то ли «христианского реализма» (В.Н. Захаров), то ли «критического идеализма» (В.А. Котельников), то ли «реализма в высшем смысле» (К.А. Степанян), – и о перипетиях духовной биографии писателя (был ли он христианином уже в 1840-е гг. или стал им только после «перерождения убеждений» в 1860-е гг.), что определяет научную **актуальность** избранной им тематики. На этом многоаспектном и разнонаправленном фоне С.Л. Шаракову удается, тем не менее, сказать свежее, значительное слово, до него в достоевсковедческом дискурсе практически не звучавшее: ведущим художественным принципом Достоевского-романиста является «духовный символизм». Само это определение и стоящее за ним ментально-эстетическое явление впервые выдвинуто и обстоятельно обосновано именно в настоящей диссертации, что и составляет ее главную научную **новизну.**

Рецензируемое исследование обращает на себя внимание масштабностью и синтетизмом, а также глубиной проработки затронутых вопросов. Автор диссертации свободно оперирует философско-эстетическим материалом греко-римской античности, богословскими сочинениями западноевропейского Средневековья, литературой Ренессанса и Нового времени, он знаком и с оккультной традицией XVI-XIX вв., оказавшей существенное влияние на немецкую классическую философию и немецкий романтизм – важный источник вдохновений молодого Достоевского. Я уж не говорю о превосходной осведомленности Сергея Леонидовича в восточнохристианском,

святоотеческом, богословии, а также в отечественной православно-церковной словесности XVIII-XIX вв. Также диссертант хорошо себе представляет творчество многих авторов русской классической литературы – А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого и др., и владеет исследовательским дискурсом о них. К этому можно добавить квалифицированный аналитический обзор исследований о «Достоевском после Достоевского» в Серебряном веке, русской эмиграции XX в., в современную эпоху. Как видим, диссертация носит чуть ли не энциклопедический характер: временно́й диапазон рассматриваемых в ней авторов и проблем – не менее двух тысячелетий в истории человечества, пространственный – десятки европейских и ближневосточных стран, тематический – несколько культурных эпох. Такая эрудиция и широта взгляда дают С.Л. Шаракову возможность увидеть корни, истоки многих актуальных для творчества Достоевского явлений в глубине веков и проследить их трансформацию на протяжении длительного исторического времени, а также сопоставить различные богословско-философские влияния на писателя в их генетической обусловленности и последующей вариативности, обильно цитируя многочисленные источники. Поэтому выводы, к которым приходит автор диссертации, представляются научно **обоснованными** и **достоверными**. Библиографический список в конце работы включает 258 наименований, 19 из которых – на английском и французском языках.

По мнению диссертанта, ключ к загадке творчества Достоевского, с его растущей востребованностью в мире и в 200-ю годовщину со дня рождения писателя, можно отыскать лишь в контексте «большого» исторического времени, по меткому слову М.М. Бахтина, чьему примеру в этом аспекте современный ученый с очевидностью следует. Однако, в отличие от предшественника, в центре внимания С.Л. Шаракова не столько проблемы поэтики, сколько вопросы художественного сознания, или миросозерцания, Достоевского. И в этом смысле диссертация носит междисциплинарный характер – не только филологический, но и философский, богословский, культурологический. Указанное обстоятельство также является элементом **актуальности** и **новизны** рецензируемой работы – ведь в современной науке новое ви́дение возникает, как правило, на стыке дисциплин.

Тем не менее во избежание недоразумений сразу отмечу: в основе рецензируемой работы – именно литературоведческая проблематика, так как ведущая интенция автора – выяснение природы символа в системе художественных средств Достоевского, наряду с характером символизации его речевых образов, персонажей и мотивно-сюжетных линий. Этому практически целиком посвящена третья, наиболее объемная, заключительная глава диссертации. Однако для осуществления заявленной литературоведческой цели понадобилась всесторонняя междисциплинарная поддержка, реализованная в первой и частично во второй главах диссертационного исследования.

С этим во многом связана **теоретическая значимость** полученных автором результатов – в диссертации впервые создана типология историко-литературных видов символики: античного, средневекового и ренессансно-новоевропейского, – а также вводятся новые термины: «естественный символизм» и «духовный символизм», – которыми обозначаются главные стили символики в европейской культуре последних двух тысячелетий. В свою очередь, «естественный символизм» подразделяется на «структурный» и «органический». Полученная система категорий может быть применена к анализу творчества многих писателей разных эпох, в том числе зарубежных. С.Л. Шараков с успехом использует ее для вскрытия неизвестных ранее смысловых пластов художественного дискурса Достоевского, например связи его «почвеннических» воззрений с мыслительными категориями философа-романтика Ф. Шеллинга, в свою очередь восходящими к оккультной мистике Я. Бёме. Теоретические новации диссертанта важны и для построения альтернативной истории русской литературы, опирающейся на этнопоэтику, о чем давно ведется речь в отечественной «религиозной филологии» (имеются в виду концепции В.Н. Захарова, В.А. Котельникова, И.А. Есаулова и др.). Накрепко связывая открытый им «духовный символизм» с православно-христианской, святоотеческой традицией, С.Л. Шараков выделяет целую взаимообусловленную систему духовно-нравственных категорий («вера», «покаяние», «смирение», «спасение» и др.) и делает их, путем погружения в мир художественных произведений, порождающей моделью-парадигмой речевого, персонажного и мотивно-сюжетного своеобразия русской литературы в ее высочайших образцах – ряде произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Достоевского.

Практическую значимость проведенное в диссертации исследование может иметь как в научной сфере (при системном анализе литературного процесса как целостности в условиях «большого времени» мировой истории, а также в междисциплинарной гуманитаристике, набирающей обороты в XXI в.), так и в образовательных практиках (при изучении разного рода теоретических и историко-литературных вопросов, связанных с проблемой художественного символа и творчеством рассмотренных в диссертации писателей и философов).

Итак, в центре внимания С.Л. Шаракова – изучение закономерностей символического миросозерцания Достоевского в свете доминантного для писателя стиля символики – «духовного символизма». Структура диссертации способствует достижению поставленной цели, шаг за шагом ведя читателя к пониманию и раскрытию авторского замысла. Так, во введении отмечена малая разработанность исторического аспекта символизации в мировой литературе от античности до Нового времени, в том числе у Достоевского, в связи с чем поставлена новаторская задача по различению стилей символики в творчестве русского писателя. Первая глава – сугубо теоретическая – посвящена

рассмотрению исторических типов символики в европейской и ближневосточной словесности таких культурных эпох, как Античность, Средневековье, Ренессанс и Новое время. Именно здесь закладывается фундамент новой, предлагаемой диссертантом православно-аксиологической методологии изучения литературных произведений и создается релевантный тезаурус из таких категорий, как «естественный символизм», «духовный символизм», «внутренний человек», «вера», «покаяние», «духовный труд» («церковная дисциплина»), «смирение», «спасение» и др. В процессе конкретного анализа произведений в последующих главах они противопоставляются другой, «секулярной» системе категорий: «счастье», «восстановление» («реабилитация»), «гармония», «самооправдание», «жизнь из себя» и др. Во второй главе диахронический срез сменяется синхроническим – и символизм Достоевского рассматривается в контексте отечественной словесности XIX в. Важно отметить, что именно словесности, а не художественной литературы в узком смысле слова, – в частности, берутся «слова», «опыты» и поучения свт. Игнатия (Брянчанинова) и свт. Феофана (Затворника), эссеистика и эго-документы Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Гончарова, Л. Толстого и др. Героем третьей главы становится Достоевский-человек и Достоевский-романист совокупно, потому что символическая поэтика романов «великого пятикнижия» поставлена в зависимость от «духовной биографии» писателя, т. е. от периодов его вовлеченности в антично-ренессансные и оккультно-романтические варианты мировидения в 1840-е гг., в контекст секулярного «светского христианства» западноевропейского происхождения в 1850-1860-е гг. и, наконец, – все более прочного вхождения в лоно православной церковности и святоотеческого богословия в 1870-е гг. Сплетение, столкновение, диффузия вышеуказанных воззрений в обусловленных ими художественных образах, мотивах и сюжетах детально проанализированы применительно к каждому из романов «великого пятикнижия» и предшествующей ему повести «Записки из подполья», начиная с которой Достоевский, по аргументированному мнению С.Л. Шаракова, становится сознательным проводником принципов «духовного символизма». Таким образом, рецензируемая диссертация является цельным, логично выстроенным и **завершенным** научным исследованием заявленной проблемы – определения и изучения символического миросозерцания Достоевского в его генезисе и динамике.

Как уже говорилось, главные **достоинства** диссертации – новизна и актуальность проблематики, масштабность и широта ее рассмотрения, междисциплинарный характер исследования, высокая достоверность и обоснованность выводов, а также – добавим – грамотный, профессиональный, богатый язык, точно передающий все нюансы мысли диссертанта. Вообще работа изобилует открытиями, которые стоило бы развернуть в самостоятельные новаторские исследования: например, о двух теофаниях в

«Братьях Карамазовых» – католической (ориентированной на земную жизнь Христа) и православной (знающей Христа Воскресшего); или о роли «визуальности» у Достоевского, которая также связывается с особенностями католического восприятия Богочеловека, имплицитно проводимого в новоевропейской живописи и литературе (получается, что Достоевский в «великом пятикнижии» скорее полемизировал с ней, чем включал в авторскую палитру); и мн. др. В ходе своего исследования С.Л. Шараков затрагивает такие «болевые точки» современного достоевсковедения, как дискуссии вокруг картины Г. Гольбейна-младшего в «Идиоте», о творческом методе писателя, о Христе и истине из письма к Н.Д. Фонвизиной от 23 января 1854 г., о семантике «живой жизни», – и на все дает новые ответы в свете концепции «духовного символизма».

В заключение выскажу ряд **замечаний**.

1. Характеризуя «духовный символизм», С.Л. Шараков, как правило, называет его стилем. Нередко возникает отнесенность исследуемого явления к художественному направлению, возможно как к синониму стиля в контексте диссертации. И никогда оно не называется методом. Тем не менее понятие о творческом методе является фоновым для российского читателя, и обойти его невозможно. Понятно нежелание диссертанта употреблять эту категорию, выдвинутую в 1930-е гг. советским литературоведением с целью социокультурной дифференциации литературного процесса и служившую инструментом классовой аксиологии. Однако переосмысление, которому она подверглась в отечественной науке на рубеже XX-XXI вв., побудило А.В. Михайлова заявить: «Понятие “метод” несет в себе большой урок для литературоведения»[1], – а К.А. Степаняна – говорить о «реализме в высшем смысле» именно как о «творческом методе» Достоевского. В любом случае необходимо, на мой взгляд, сопоставить категории «стиль», «метод» и «литературно-художественное направление», определить их семантические границы в современной науке и пояснить свой выбор категории «стиля» применительно к «духовному символизму».
2. С.Л. Шараков убедительно, в рамках своей концепции, говорит о преобладании у Достоевского именно символического, а не реалистического ви́дения действительности. Однако самоопределение писателя – «реалист в высшем смысле» – с очевидностью свидетельствует и о реалистической составляющей его художественного направления. На мой взгляд, необходимо подробнее разобраться в сущности реализма как такового и в том, что сам писатель понимал под реализмом, сопоставив эти результаты с представлением о символике у Достоевского. По тексту диссертации разбросаны отдельные суждения по этому вопросу, однако было бы целесообразно уделить ему специальное внимание в теоретической главе.

---

[1] *Михайлов А.В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 9, 12.

3. В продолжение предыдущего замечания отмечу, что в работе также не хватает целостного анализа символизма Серебряного века, который представлял собой сложное, неоднозначное явление: «символизм как школа» и «символизм как мироотношение»[2]. «Младшие» символисты утверждали «преходящий» характер первой как «одного из этапов литературной эволюции» и «всемирную» «древность» второго: «На путях такого символизма – Софокл, Данте, Ибсен…», а также Гете, Достоевский, Вл. Соловьев; при этом открыто провозглашалась служебная роль этого искусства по отношению к религии: «Подчиниться гению или Богу не унизительно для человеческого достоинства: так и для художника вовсе не унизительно признать себя покорным вассалом общей вселенской правды и сделать себя орудием мудрой воли»[3]. Концепция символизма у Вяч. Иванова применительно к романам Достоевского рассмотрена на с. 163-165, однако нигде не сказано, что это было общей тенденцией эпохи. А ведь здесь ключ к открытию Достоевского как религиозно-философского гения именно в русском символизме!
4. В центре внимания С.Л. Шаракова – выдвинутая им концепция «духовного символизма» как миросозерцания и одновременно художественной интенции, основанной на опыте внутреннего ви́дения чувственно невидимого духовного мира и интерпретации через него событий и явлений мира видимого, чувственно явленного. Причем относится эта концепция только и исключительно к православному христианству с его святоотеческим фундаментом. Не подвергая сомнению научную необходимость выдвижения этой категории, позволю себе усомниться в удачности ее дефиниции в связи со словом «духовный». Во-первых, духовность – понятие весьма широкое и интерконфессинальное: опыт знакомства с духовным миром присутствует в исламе, буддизме и др. нехристианских религиях, не говоря уже о католическом христианстве; во-вторых, мистическая духовность может быть не только светлой, но и темной; в-третьих, в современных культурных дискурсах духовность становится «глобальным трендом» также во внерелигиозных и околорелигиозных контекстах[4].
5. В диссертации присутствуют немногочисленные примеры «духовного символизма» в предшествующие и современную Достоевскому эпохи: тексты Священного Писания и Священного Предания (прежде всего творения Святых отцов Церкви), сочинения свт. Игнатия (Брянчанинова) и свт. Феофана (Затворника), некоторые произведения светских писателей

---

[2] См., например: *Чулков Г.И.* Оправдание символизма // *Чулков Г.И.* Валтасарово царство / Сост., автор вступит. статьи и коммент. М.В. Михайлова. М.: Республика, 1998. С. 422.
[3] Там же. С. 425, 423.
[4] Подробнее см.: *Ореханов Г., прот., Колкунова К.А.* «Духовность» - дискурс и реальность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 152 с.

(Пушкина, Гоголя), однако полностью отсутствуют примеры из древнерусской литературы, а также из русской и мировой литературы после Достоевского. Возникает вопрос: таких явлений в мировой культуре больше не было? Или автор, в силу ограниченности объема диссертации и малой исследованности проблемы, их не рассматривает? Думаю, это необходимо пояснить.

6. Формируя категориальный аппарат «духовного символизма», С.Л. Шараков вводит в художественный мир произведений в качестве инструментов анализа «веру», «покаяние», «смирение», «спасение» и др. Однако как они соотносятся с категориями, уже введенными в орбиту «православного литературоведения» И.А. Есауловым («соборность», «пасхальность»), В.Н. Захаровым («умиление»), Е.А. Федоровой-Гаричевой («преображение») и др.? В диссертации об этом ничего не сказано. Однако думается, что при создании общего исследовательского поля необходима координация усилий с другими православными учеными. Казалось бы, многие вопросы рассмотреть невозможно из-за ограниченности объема диссертации – но не лучше ли убрать немотивированные длинноты (например, подробный анализ символизации у Данте, типа христианства в романе В. Гюго «Отверженные», ряд отвлеченных духовно-нравственных рассуждений) и отдать это место конструктивной научной дискуссии?
7. Как одну из характерных черт «духовного символизма» Достоевского диссертант нередко упоминает «самосовершенствование», вкладывая в эту категорию православный смысл (исполнение заповедей, церковная дисциплина, труд над самим собой). Однако одновременно с Достоевским в России была выдвинута идея нравственного «самоусовершенствования» в понимании Л.Н. Толстого, которая имела гораздо бóльший резонанс в обществе. Напрашивается хотя бы краткое разъяснение того, что, в отличие от Достоевского, имел в виду Толстой.
8. Отсутствует структурирование списка литературы к диссертации: он не поделен на источники, исследования и справочные издания, что облегчило бы знакомство с трудом будущих читателей. Кроме того, библиография к диссертации относительно невелика – всего 258 названий включая работы на иностранных языках; при этом собственно литературоведческие труды представлены менее чем в 30 позициях, что свидетельствует о некоторой недостаточности их освещения по сравнению с философскими, богословскими и историко-культурологическими.

Так как диссертация С.Л. Шаракова затрагивает множество важнейших, интереснейших и дискуссионных вопросов, в кратком отзыве откликнуться на все невозможно. Высказанные замечания носят уточняюще-эвристический характер и скорее свидетельствуют о научной ценности, принципиальной новизне и актуальности рецензируемой работы, чем о тех или иных ее

недостатках. Поэтому высокой оценки представленного к защите труда они поколебать не могут. Очевидно, что диссертация С.Л. Шаракова – оригинальное, самостоятельное и завершенное, отличающееся глубиной и новаторским подходом литературоведческое исследование, учитывающее как традиционную, так и современную научную парадигму в избранной ученым тематике. Поставленную перед собой задачу Сергей Леонидович, без сомнения, выполнил. Его исследование вносит ценный вклад в разработку проблем биографики и художественных принципов Достоевского, находящихся на острие современного мирового достоевсковедения.

Все положения, вынесенные на защиту, адекватно отражены и развернуты в тексте диссертации. Автореферат дает полное представление о содержании исследования и выполнен в соответствии со всеми установленными правилами оформления. 32 публикации (из них 2 монографии и 16 статей в журналах, рекомендуемых ВАК) в полной мере отражают содержание диссертации и основные положения, выносимые на защиту. Диссертационное исследование Сергея Леонидовича Шаракова полностью соответствует паспорту научной специальности 10.01.01 — Русская литература, отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор, несомненно, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук.

25.02.2021

Официальный оппонент – доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела русской литературы
конца XIX – начала XX в.
ФГБУН «Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук»
(ул. Поварская, 25А, Москва, 121069;
info@imli.ru; 8(495)690-50-30)

Ольга Алимовна Богданова

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН

Электронный адрес официального оппонента: olgabogda@yandex.ru
Телефон: +79096553850